

Виктория Миш

Академия музыки

Борвуар

книга

первая

16+

Виктория Миш
Академия музыки
Борвуар. Книга первая

«Автор»

2022

Миш В.

Академия музыки Борвуар. Книга первая / В. Миш — «Автор»,
2022

Я легко сдала экзамены в Академию музыки и неожиданно попала... в другой мир. Где ценятся таланты, где неважно, какого ты племени-роду. Вроде бы. Правда, никто не предупреждал, что у меня появится фамильяр. И необычные способности. И волосы сами поменяют свой цвет. По мнению одного самоуверенного принца, я вообще не слишком нормальная. И способностей к музыке у меня нет. Голос - не звонкий, стан - не тонкий, про характер – лучше промолчать. Вот только не стоит дергать тигра за усы, ПРИНЦ! Однажды он может рассвирепеть.

© Миш В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Уничжительная	8
Глава 2. Библиотечная	13
Глава 3. Внезапная	21
Глава 4. Решительная	27
Глава 5. Сомневающаяся	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Виктория Миш

Академия музыки Борвуар. Книга первая

Пролог

Я смотрела в его глаза и плавилась от возбуждения. Какой же Рич красивый! Его мужественную внешность я могла бы описывать часами. Она удивительным образом была утонченно-аристократичная. Редкое сочетание, я скажу вам, – мужественность и аристократичность.

Никогда не встречала их в земной жизни.

Может, поэтому меня и тянет к надменному, но такому красивому Ричарду?

Недостаток красавчиков за последние семнадцать лет жизни, так сказать, на лицо.

– Ты оглохла? – внезапно раскрывает губы этот образчик неземной красоты и наклоняется ближе.

Мы танцуем танго. Наше последнее танго на генеральной репетиции. Я должна показать себя с лучшей стороны. Доказать всем и каждому, что умею не только петь, но и играть на сцене. Танцевать... Я – гибка, музыкальна, пластична! Но вместо этого... жадно рассматриваю его, принца.

Прямое вытянутое лицо, пухлые губы, аккуратный нос и подбородок с ямочкой.

Он – идеален! Как вкусный кексик, который так и хочется укусить!

– Р-р-р! – игриво рычу я, строю глазки.

Пусть узнает, какая милашка в его руках.

– Ррр! – показываю зубки на следующем обороте.

Парень меняется в лице.

– Лейси, что ты пила перед репетицией?

Впервые он называет меня сокращенным именем. Это так мило, будто мы стали ближе друг к другу и между нами лопнул невидимый барьер. Рич и Лейси – настоящие друзья.

Йу-ху!

Я окончательно теряю контроль. Если Ричард назвал кого-то сокращенным именем, значит, включил в ближний круг друзей. Беспрецедентный случай!.. А так как я, бедная безродная попаданка, никак не могу быть другом второму наследному принцу потому, что вообще-то я – девочка, а не мальчик, то получается, что я ему нравлюсь!

Нравлюсь принцу!

– Идиотка! – рычит он мне прямо в ухо, но не останавливается – ведет дальше.

А я только отмахиваюсь, не принимая его слова всерьез.

Музыка полностью захватывает в свои сети. Я наслаждаюсь мелодией, нашей близостью, прикосновением рук, от которых вспыхивают искры.

Танго – это так сексуально! И почему я раньше не училась танцевать? Знала бы, что это поможет мне в отборе на вакантное место партнерши Ричарда, с трех лет ходила бы на танцы.

Парень ловко разворачивает меня и наклоняет к полу:

– Прибью после репы! – злится, и его светлые волосы падают на лицо.

Щекочут. Идеальные волосы. В меру густые, в меру длинные. Удобно завязывать в хвостик.

Незаметно я делаю вдох, чтобы запомнить его запах, и снова плыву, ощущая невиданное блаженство.

Какой приятный мужской шампунь. Так бы и нюхала целый день!

– Лейси, сосредоточься! Наша ария сразу после танго! – волнуется Рич, и нас останавливает последний аккорд.

Мы замираем перед комиссией в весьма провокационной позе. Мне так хочется продолжить ее и прилипнуть к накаченному мужскому телу навсегда, что я едва сдерживаю разочарованный стон.

Почему так быстро кончилась музыка? Мне бы еще танцевать и танцевать!

– Ты помнишь слова? – снова возвращает с небес на землю Рич.

Под скупые аплодисменты других участников ставит вертикально, одергивает юбку.

Машинально кланяюсь, глядя на комиссию. Вместо нее почему-то перед глазами светлое пятно. Специально, наверное, поставили магический заслон, чтобы сделать видимость независимости. Чтобы студенты не знали, кто что говорит. Голоса тоже магически изменены.

На кону слишком многое – новогодний мюзикл в Академии Борвуар обещал посетить сам король.

– Лейси, начинай! – дает команду дирижер, мадам Перлой, и взмахивает дирижерской палочкой.

Она единственная из преподавательского состава, кого я вижу.

Начинать надо а капелла¹.

В моей голове пульсирует только одна мысль, и ее я выдаю вместо подготовленной арии. Это так естественно и правильно – петь о любви моему принцу.

– Люб-лю-ю те-бя! – тяну мартовской кошкой. – Несу тебе... Себя!

– Постойте, это не та ария! – возмущается кто-то в комиссии.

– Что ты творишь? – пытается помешать мне Рич.

Странно, я помню, что он не хотел петь со мной. Ему по душе больше колоратурное сопрано Найзы, а не мое меццо.

Но он выбрал меня! Выбрал!

Меня сносит от желания прижаться к его губам. Они так близко, такие красные, пухлые, мягкие... Желанные.

– Прошу остановить репетицию! – слышу отчетливо напряженный голос Рича. – Моей партнерше плохо. У нее помутнение рассудка.

Очертания вокруг сцены и вправду какие-то странные. Мне сложно сосредоточиться на лицах, их почти не видно в светло-бежевом месиве. Почему так?!

Я пою вокализ², а мой партнер пробует убедить комиссию остановить репетицию.

– Довольно, Ричард, хватит городить глупости! Не покрывай ее. Мы видели, как она лихо отплясывала в полной памяти, – возражает кто-то из комиссии. – Мы заменим тебе партнершу, если она провалит заключительную арию. Так что...

– Продолжайте! – командует мадам Перлой.

– И я... хочу вести... тебя к блаженству и горам... – пою откровенную чушь, но не могу остановиться.

Губы сами произносят слова. Горло само выдает звуки. Почему мое тело мне не принадлежит?

Радость и возбуждение улетучиваются, будто я и не испытывала их вовсе. Что происходит, почему я снова ушла на вокализ и не могу остановиться?! Какая чужая воля командует мной, почему поработила и, главное, как вернуть контроль над телом?!

Ричард понимает, что я в панике. Стою, как приклеенная, на одном месте, и механически открываю рот.

---

¹ А капелла – пение без инструментального сопровождения.

² Вокализ – пение, при котором используются звуки и слоги, а не слова.

Рич подходит совсем близко, я читаю решимость в карих глазах. Мне это не нравится. Что он задумал? Вызывает опасение его прищур. Все знают – когда принц хмурится, у кого-то из глаз потом сыплются искры.

– Прости! – на мои плечи ложатся крепкие руки, сжимают их. – Но по-другому тебя не остановить.

И сдирает с меня платье под громкое аханье толпы. Силен, гад.

Вокруг десятки, сотни студентов. И преподаватели! Я стою в бордовом лифчике и синих трусиках. Как назло, сегодня надела не комплект, и от этого особенно стыдно.

И все ржут. Самым обидным образом. А я пытаюсь отобрать остатки своего платья у принца и сбежать со сцены.

Сбежать!

... Просыпаюсь вся в поту. Руки дрожат, горло саднит, как будто я и вправду пела два часа кряду.

Вытираю испарину со лба простыней и понимаю, что с этим надо что-то делать. Плохо, что принц перекочевал из реальности в сон. Донимает меня и там.

Я сжимаю зубы до противного скрежета.

Достал, честное слово!

Я долго старалась сдерживаться и терпеть его хамское отношение в надежде, что он отстанет. Но вот уже две недели, как его издевкам и придирикам нет конца и края.

Надо что-то с ним делать. Обязательно. Дать отпор. Да так, чтобы он раз и навсегда расхотел связываться со мной. Со мной, Лейсан Горчаковой, девушкой с Земли.

Глава 1. Уничжительная

Положение было отчаянным. А моя вина – полностью доказанной.

Но вылететь из академии, в которой проучилась всего лишь два месяца, и отправиться с позором домой – я не могла. Нет, никак не могла!

Пусть Найза и Колли обломятся. Пусть хихикают за спиной и всем расскажут, какого цвета мое нижнее белье – плевать. Я не собиралась упускать возможность, которая предоставляется раз в жизни, и отказываться от магии. От музыки, которая заиграла в моем сердце новыми красками. Я чувствовала как никогда раньше свое предназначение, и никаким высокомерным драконам не разлучить меня с мечтой! Пусть Гор, Найза и Колли катятся в тартарары!

– Господин Дюваль, я не виновата! – честно канючила уже битый час. – Он сам пришел! Сам! И раздел меня при всех! Накажите Гора, господин Дюваль! Это он виноват в инфаркте мадам Пюсси, а не я!

– Конечно, пришел сам, – не поддавался на мои – увы! – сухие слезы директор. Заплакать по-настоящему я так и не смогла, так как вывели они меня из себя знатно. Я едва сдерживала свой буйный нрав, сморкаясь в кружевной платочек и пытаюсь вызвать жалость. – Была репетиция новогоднего мюзикла, он участник. Разумеется, сам пришел! А вот ты, милая, совершенно неправильно воспринимаешь действительность! Студент Гор не женится на тебе, даже если ты появишься перед ним без трусов. Неужели не понимаешь, что Гор Резерфорд относится к уважаемому древнейшему роду? И никто из его родни не позволит связаться наследнику с иномирянкой без денег, связей и образования!

Еще не старый мужчина лет пятидесяти пыхтел от возмущения, как паровоз. Он мне не верил, и от этого становилось особенно обидно. Ведь директор – взрослый, опытный мужчина. Неужели он не может отличить охотницу за женихами от девушки, которая честно хочет учиться?! Я даже красить ресницы по утрам не успеваю. Сiju по ночам, сольфеджио учу, в гармонии пытаюсь разобраться. Потом сплю до последнего, но всё равно так и не высыпаюсь. И это последние два месяца. Какие женихи, вы о чем?!!

Усики директора, идеально подстриженные и уложенные, возмущенно колыхались при дыхании, подобно чайкам на волнах.

– Господин Дюваль, да мне и не надо! – горестно вздыхаю я и опускаю глаза долу. – Больше всего на свете я мечтаю окончить академию и работать в Королевском театре Орнего. Я не хочу замуж, и уж точно не мечтаю о таком муже, как Гор!

– Тогда зачем спровоцировала его? – снова вернулся к началу нашего разговора директор. – Хотела подставить парня и вынудить его жениться?

– Нет.

С директором Дювалем общаться было трудно. Ничего не прокатывало: ни уговоры, что я не собиралась раздеваться при всех и шокировать общественность нижним бельем, ни звания к его чести, мол, давайте как воспитанный мужчина вы замнете дело, не будете вспоминать то, что увидели, и дело с концом.

А потом я махнула рукой и понуро молчала. Выслушивала нелицеприятное мнение о своих умственных способностях и глотала обиду.

Ну, Гор Резерфорд, я тебе припомню. Не сразу, не завтра, но отомщу за провокацию!

А господин Дюваль тем временем перешел к самой гадкой части случившегося – инфаркту мадам Пюсси. Наша преподавательница по актерскому мастерству была женщиной в возрасте. Очень милой и понимающей. Она благосклонно относилась ко всем нам, а меня как иномирянку, оказавшуюся в Иманисе без поддержки родных, особенно жалела.

И, конечно, когда увидела меня висящей на том рояле с задранной по пояс юбкой, не смогла вынести позора. Упала с инфарктом прямо на задних рядах.

В зале было мало студентов – репетиция должна была начаться только через полчаса, и против меня свидетельствовали все – и Колли с Найзой, заявившие, что когда они вошли в зал, я уже висела на откинутой крышке рояля, и сам Гор. Он-де получал от меня любовные послания, которые сразу сжигал. А теперь, по его мнению, я перешла к активным действиям.

Был бы кто-нибудь из моей группы в зале, надеюсь, они бы вступились за меня. Но увы! Судьба сегодня была явно не на моей стороне.

– Пожилая женщина находится по твоей милости в лазарете!.. – разглагольствовал директор, стуча кончиком ручки по столу. – А ты, бесстыжие глаза, даже не признаешь свою вину!

Да какую вину, если за мадам Пюсси я готова была сама раздеть Гора и подвесить на центральной люстре в концертном зале?! Жаль, что мой уровень владения магией не такой впечатляющий, как у чернобрового мерзавца. Он-то сумел обхватить меня петлей и закинуть на рояль.

А я повернуть такой фокус не смогу. Мне придется корпеть неделями, если не месяцами, чтобы научиться хотя бы проявлять лассо, не то что забросить им кого-нибудь наверх.

Да уж, если директора не брала логика, то как могли взять мои уговоры?

Вот он серьезно не мог понять, что не я сама прицепила себя с задранной юбкой на крышку рояля?! Физически это невозможно. Как и сам факт того, что крышка подо мной не сломалась, не согнулась, не закрылась. Я, конечно, не сто килограмм вешу, а всего лишь пятьдесят пять, но без усиления магией этот фокус точно никак не повернуть.

А с магией у меня проблемы, да еще какие! Уж он ли не знает?

Тогда почему упорно обвиняет в соблазнении?!

Как заведенный, директор грозил отчислить за недостойное поведение, за порчу имущества, хотя рояль был в целости и сохранности.

А я то и дело мысленно возвращалась в свой сон. Становилось не по себе от подозрения, что он каким-то странным способом сбылся.

Правда, во сне с меня сдирал платье самый красивый парень нашей академии. А в реальности всё вышло совсем не так – час назад опозорил меня не он, а один из его подпевал – Гор Резерфорд, тот еще громила и пошляк, который по дикой случайности показал какие-то способности к музыке и учился вместе с принцем на третьем курсе.

Барабанщик, чтоб все его палочки поломались!

Входная дверь в кабинет директора слетела с петель и с громким звуком стукнулась о стену, являя старосту нашей группы, Алексиса Бервотти. Пока я ловила ртом воздух, оглядывая причиненный академии ущерб, и гадала, не поставят ли мне его в вину, парень глянул на меня и невозмутимо прошел к столу директора. А потом сделал и вовсе ужасную вещь – без всякого стеснения прервал директора на полуслове.

– Лейсан невиновна, господин Дюваль. У меня есть доказательства.

Директор даже бровью не повел. Взмахнул рукой, дверь вернулась на место.

Ну и порядки у них! Я-то боялась отчисления, стояла перед столом директора, чуть дыша. Глядела в пол подобно выпускнице пансиона благородных девиц. Вела себя прилично, почти не спорила. Не ругалась непечатными словами, хотя язык чесался сказать всё, что я думаю о наследнике Резерфордов. Получается, нужно было устроить погром, чтобы меня выслушали?

– Мда, и какие же? – притворно ласковым тоном поинтересовался директор.

Алексис нагло развалился в кресле и вытащил из-под ворота рубашки медальон с изображением дракона. У нас у всех были такие, только с разными животными. У меня с тигром, у Колли с собакой, у Найзы со змеей, но тут – кто бы сомневался. Змея – она не только по году рождения змея, но и по сути.

На самом деле Алексис должен был учиться на третьем курсе. Но что-то пошло не так, и поступил он в Академию Борвуар только с третьего раза. Парень был старше всех нас на три года, поэтому, собственно, мы и выбрали его старостой. Почти единогласно.

– Мой фамилляр присутствовал в зале и видел то, что произошло. Я частенько запускаю его покарать группу. Он из полупрозрачных водяных драконов. Умеет сливаться с обстановкой, – довольно произнес Алексис.

Я посмотрела на однокурсника с уважением. Умеет управлять маленьким дракончиком. Это же круто! Мне вот до сих пор не удалось приручить фамиляра. Я боялась тигра, изображенного на медальоне, и после двух неудачных призывов бросила это дело. Мне даже показалось, что сама судьба против нашего воссоединения. И не стала настаивать. Ну, тигр мне достался и тигр. Приятно, конечно. Но общаться совсем необязательно.

Вообще, надо сказать, при моем поступлении в Академию музыки я узнала действительно много нового: и то, что магия существует, и что она помогает в обучении вокалу, и что каждый маг в Иманисе может попытаться призвать себе фамиляра. Для помощи, дружбы, службы – каждый маг сам выстраивает границы общения.

При поступлении нам выдали пропуска-ключи в виде медальонов. Их нужно было прикладывать к замку в комнате общежития, чтобы войти внутрь, к аудитории, чтобы в журнале автоматически проставлялось посещение, и при проходе в столовую – за этим тоже строго следили.

А чтобы персонализировать как-то эти самые пропуска, на медальон наносилось имя студента и изображение животного, в год которого он родился. Фамилляр же, по уверениям дамы из деканата, закрепляется за своим хозяином с момента рождения и на всю жизнь. Где-то там, в небесной канцелярии, выпускается маленький экземплярчик фамиляра, который постепенно растет и ждет сигнала от своего хозяина. Правда, приходит он и служит только сильным магам. Слабых не признает. Не стоит даже пытаться призвать себе фамиляра, если плохо управляешься с магией.

Это, собственно говоря, и стало второй причиной, по которой я не торопилась призывать фамиляра. Самой бы разобраться со своими необычными способностями. А потом можно попробовать и усилить их при помощи тигра.

Хотя даже в мыслях это звучит странно.

– Так-так! Это в корне меняет дело. Свидетель – фамилляр... Неплохо-неплохо. Вы знаете, что фамиляры не врут? – директор с предвкушением улыбнулся. – Давай его сюда. На стол сажай.

Алексис снял медальон и положил его на директорский стол.

– Ты же покажешь, что видел, да? – ласково спросил директор, и из медальона показалась полупрозрачная голубая лапа.

Дракончик вылезать не спешил. Высунул голову, обвел нас всех пристальным взглядом, задержавшись на своем хозяине, разинул пасть, из которой вырвалась легкая струйка полупрозрачной воды, и плюнул в сторону директора. Потом соблаговолит вытащить вторую лапу.

– Какой-то ты нерасторопный! – ничуть не обиделся директор и предложил чешуйчатому свою ладонь: – Хочешь ко мне?

Его такое простое движение очень не понравилось нашему старосте.

– Дядя, нечестно воздействовать на Томми при даче показаний! Убери руку! – подпрыгнул на месте он. – Томми тебе подчинится как старшему. Знаю я эти уловки! Ты всегда соглашаешься, а потом!.. Ой!.. – тут староста спохватился, что ляпнул лишнего. И вообще-то я стою рядом и во все глаза смотрю на раскрывшего инкогнито парня. – Ну, ээ... да... родственники мы, – не стал он мяться. – Только никому не говори, ладно? Не хочется радовать сплетников.

– Не буду! – честно поклялась я, выдыхая с облегчением.

Теперь меня не отчислят. Алексис отстоит перед дядей – в этом я ни капельки не сомневалась. Парень он хороший. И поет неплохо.

– Томми, вылезай скорее на стол и покажи то, что произошло в зале. С самого начала! – вернулся к проблемам насущным староста, и дракончик послушался – вылез.

Вот чем мне всегда нравился Алексис, так это решительностью. Он никогда не раздумывал долго и моментально брал быка за рога. Написали плохо диктант по сольфеджио? Значит, нужно организовать дополнительное занятие, чтобы подтянуть наши пробелы. Сразу и для всей группы.

Алексис сам договаривался с мисс Крюк, чтобы она осталась в академии в пятницу вечером. Всех собрал, чуть ли не за шкурку притащил в класс, еще и нотную бумагу раздал, чтобы никто не отлынивал. И мы переписали диктант на хорошие оценки.

И так было во всем! Алексис горел не только учебой, но и нашей общей успеваемостью. Он очень обижался на шутки инструменталистов, что мы ни черта не понимаем в нотах. Наверное, поэтому и носился с нами, как курица с цыплятами, подтягивая нас и доказывая обратное. Хотя, если положить руку на сердце, по сольфеджио мы и вправду сильно уступали инструменталистам. На одних только цепочках аккордов заваливались.

– Он будет показывать события ментально? – решила уточнить я.

Дракончик повилял хвостом, уселся на попу поудобнее и вытаращил свои ярко-бирюзовые глазки. Милейшее создание. Как будто не животное, а маленький крошечный карапуз!

– Да, он создаст контакт с дядей... то есть господином Дювалем, и передаст мыслеформы в виде картинок. Как в замедленной съемке получится, – вполголоса объяснил Алексис, чем навлек недовольство родственника.

– Помолчи! – Дюваль скривился. – С утра голова болит. Надо сосредоточиться.

Мы притихли. Жаль, что передача картинок была возможна только между двумя контактерами. Я бы и сама с удовольствием посмотрела, как всё выглядело со стороны.

Наверное, очень глупо и пошло.

– Ясно! – не успела додумать свою мысль и пожелать Гору провалиться в новогоднюю сессию, как директор оторвался от пристального созерцания дракончика и прикрыл глаза. – Ты свободна, Лейсан. Резерфорд и вправду позволил себе ... – он щелкнул в воздухе пальцами, что-то показывая – я не поняла, что именно. – У меня будет с ним серьезный разговор. А пока идите. Возвращайтесь на занятия. Учитесь!.. Насколько знаю, тебя выбрали на роль Медеи, Лейсан?

– Предварительно, да, – быстро ответила я и покраснела.

Всем так говорила, чтобы завистники не слишком распалялись. Мне самой не верилось в выпавшую удачу – я только поступила на первый курс, а уже допущена к постановке нового мюзикла. Вместе с третьекурсниками и выпускниками – это о многом говорит.

Причем отбор как таковой я не проходила. Преподаватель по сольфеджио, мисс Крюк, оказывается, была сестрой куратора академии – мистера Крюка. Она и замолвила за меня словечко перед братом. Еще каким-то чудом совпало, что других сильных исполнителей с меццо-сопрано, к моему счастью, в академии не оказалось. Так что мне дали роль второго плана почти без прослушивания.

Провели его для видимости и всем объявили, что я – новая Медея. А на самом деле мистер Крюк пришел на одно из занятий по вокалу, послушал распевку и тут же отобрал меня.

Об этом я старалась не распространяться. Ведь именно мистер Крюк оплачивал каждый год пошив костюмов, выписывал крутых звукорежиссеров и хореографов из столицы. В общем, предоставлял Академии Борвуар весьма вкусные плюшки, необходимые для студенческого мюзикла. Приглашал на выступление спонсоров, оплачивал рекламу и банкет для аристократов. Поговаривали, что в дальнейшем он протезировал лучших исполнителей женского пола. Вот об этом я пока старалась не думать.

Жизнь покажет, так это или не так.

Глава 2. Библиотечная

До аудитории, в которой у нас сегодня проходила история музыкальной литературы, мы добирались в полном молчании. Алексис то хмурился, то щелкал пальцами, глядя себе под ноги и что-то обдумывая, а я не спешила прерывать его мысли.

Самой было над чем призадуматься. Кто, интересно, позвал Гора на репетицию вокалистов? Он не должен был быть в зале. Мы собирались буквально на час между парами, чтобы пройти арии а капелла. Как говорила мадам Перлой, наш дирижер, полезнее всего репетировать именно без инструментального сопровождения – тогда слышны все косяки и неровности.

Причем мы собирались даже не всем составом – только вторые роли и хористы. Всё случилось слишком быстро, и меня вызвали к директору как раз когда первые альты – две близняшки с выпускного курса – входили в зал.

Инструменталисты собирались отдельно, по средам. А сегодня был понедельник. Нет, что-то тут нечисто. Неужели Найза и Колли его позвали?

Я качала головой и не могла в это поверить. Это было бы слишком подло и жестоко.

Третьекурсницам незачем мне мстить. Я ничего им, в сущности, не сделала. Не ругалась с ними, наоборот, молча проглатывала придирки типа – «уйди отсюда, это мое место!» или: «Да как ее приняли, она во второй октаве даже фальцетом не ползает!».

И явно не заслужила, чтобы меня позорили у всех на виду. Прицепили к роялю, как бабочку иголкой к подушке!

Наверное, Гор придумал месть сам. Разузнал, что мы репетируем, вот и примчался.

Всё-таки в пятницу он с серьезной миной мне угрожал. Трясся весь и с пеной у рта кричал, что я еще пожалею.

Вот я и жалела, что моя магия нестабильна и я не могу отделать его как следует. Таких мерзавцев надо проучать сразу же. Может, Найза и согласна терпеть наглые приставания, шлепки и сальные шуточки. А я – нет. И пятая точка мне не в подарок для этого хама предоставлена.

В общем, за словесный отпор мне не было стыдно. Показала сразу, что ко мне лезть не стоит. И всё же... Наверное, не стоило Гора обзывать на всю академию козлом. Обиделся он знатно.

Но у меня вырвалось! Я даже в своем родном мире такую наглость без ответа не оставляла. А теперь тем более! Этим зазнайкам с третьего курса ни в коем случае нельзя давать спуску! Иначе поступят, как с Даяной. Уничтожат морально, доведут до того, что сама сбежишь из Академии. Наверное, любая не выдержала бы и сбежала. Терпеть насмешки и едкие подколки всю жизнь невозможно.

– Ты чего пыхтишь? – окликнул меня Алексис. Его веснушчатое лицо оказалось рядом с моим. Я кисло улыбнулась.

– Да так, мысли всякие.

– Забей. Директор не выгонит из-за этой истории.

– Благодаря тебе! – с жаром ответила я и, схватив парня за руку, горячечно ее потрясла: – Спасибо, Алексис! Если бы не ты, я сама не знаю, что бы из этого вышло! Меня бы отчислили. Или обвинили в домогательстве. И я никак не смогла бы доказать свою невиновность без тебя. Спасибо тебе, большое-пребольшое! Я никогда не забуду того, что ты сделал!..

– Да ладно! – замылся парень. Его веснушки потемнели, а сам он произвольно стал лохматить волосы. – Уже пришли. Вон, четвертая аудитория.

И почему не все парни такие милые и дружелюбные? Пусть Алексис ростом не вышел, мы с ним оба – метр семьдесят, но в остальном он был на голову выше всех этих драконов.

– Слушай, Лейси. А ведь мы на угадайку³ опоздали! – вдруг развеселился староста, когда остановились перед коричневой дверью.

– Ой! – только и смогла выговорить я, когда представила лицо преподаши по музлитре, мадам Корнель. Она ненавидела опоздания больше, чем незнание простейших ответов. – Она нас прикончит. Как только увидит!

– Ты готова, кстати? – в глазах Алексиса загорелся какой-то план.

– Ну так... – замялась я. Лгать не хотелось, а говорить правду было стыдно. – Ты же знаешь, все эти ваши композиторы и их произведения мне в новинку. Я, конечно, ходила в библиотеку на прошлой неделе, но...

Староста и сам понял, что произведения на слух я не выучила. Очень сложно было выучить, когда бесплатные записи можно послушать только в библиотеке. И то, когда я туда спустилась – библиотека располагалась в подвале, чтобы не отсырели манускрипты и не отнималась лишняя территория академии, выяснилось, что записи нужных произведений там были на допотопных пластинках, поцарапанных и наполовину стертых.

Нет, богатенькие студенты наподобие Вайсы и Арли могли позволить себе купить магнитофоны, более усовершенствованные модели наших земных, и прослушивать записи на них. А вот у меня денег на это излишество не было – стипендия, которую выдали на первое время при поступлении, быстро ушла на одежду, косметику и прочие жизненно важные приобретения.

В Академии Борвуар я оказалась почти с пустыми руками. И мне подумалось, что важнее быть нарядно одетой, чем иметь магнитофон. А взять из дома вещи мне не разрешили. Как и попрощаться с родными.

Да уж... В Иманисе я оказалась внезапно. Сама не ожидала, что попаду в такую историю и перенесусь в другой мир.

Сразу же после сдачи вступительных экзаменов в одну московскую академию в коридоре ко мне подошла милая женщина в очках. Выглядела она весьма благообразно и интеллигентно. С пучком посеребренных волос, в пиджаке и строгой юбке ниже колен. Она похвалила мое выступление, из чего я сделала вывод, что она слышала меня и была в приемной комиссии.

Потому, когда женщина предложила обсудить мое дальнейшее обучение, я без всяких мыслей зашла с нею в переговорную комнату.

И дверь на Землю закрылась. На четыре года.

– Тогда давай прогуляем эту пару, – Алексис впервые на моей памяти предлагал такое непотребство. – Мадам Корнель я потом объясню, что нас вызывал директор. А сейчас айда в библиотеку. Романсы к сольфеджио поищем. Или ты уже нашла?

– Не-ет! – расстроено протянула я. Ну что за день?! Не день, а сплошное расстройство! – Если честно, хотела у тебя ноты попросить. Думаю, большинство выберет самые простенькие романсы, и она не удивится, если я повторю твой.

– Да? Ну, давай возьмем один романс на двоих. Я тоже не успел обзавестись, – не знаю, почему Алексис расплылся в довольной улыбке.

Лично я ничего веселого в этом не видела. Двойки получим вдвоем! И замучаемся исправлять. Мисс Крюк только с виду милая и приятная девушка. А характер у нее – кремень! Как у всякого преподавателя сольфеджио.

– Пойдем-пойдем. Есть у меня идея, что можно сыграть с листа⁴, – пробормотал он.

– Хорошо бы попроще! – честно призналась я. – На фоно я играю так себе.

– На фоно хорошо играют только инструменталисты, – философски заявил Алексис, и мы вышли к лестнице.

---

³ Угадайка – музыкальный диктант, нужно угадывать названия произведений. Иногда какую часть проигрывают – вступление, кода, вариация и т.п.

⁴ С листа – значит, без предварительного разучивания нот, с ходу.

Вот только, к сожалению, мы там оказались не одни!

– Ой, посмотрите, кто идет! Мисс шалава! – оскалился Дорг Рубковски, еще один мальчик на побегушках из окружения принца.

Он поднимался с первого этажа. Манерный и прямой, как палка. Еще один недобитый аристократ на мою голову.

Перед ним прямо по воздуху плыл кожаный чехол с инструментом. Я не помнила, на чем играл Дорг: то ли на трубе, то ли на саксофоне. Мне было плевать. Главное, чтобы не цеплялся ко мне и не появлялся в поле зрения.

Кстати, в новогодний мюзикл его не взяли. На первой совместной репетиции я видела в оркестре только принца и Гора. Наверное, играет Дорг так себе. А учится на родительские денежки. Как я слышала, это только для иномирцев предоставляется субсидия и обучение бесплатно. Все остальные платят. А те, кто не смог сдать экзамены нормально, хотя бы на троечку, платят в два раза больше.

Я сделала вид, что не расслышала его слова. Буду выше оскорблений. Нацепила покер-фейс и решила обойти хама по кругу.

Но пройти, не зацепив того по дороге, не получилось бы. Чехол висел как раз рядом со своим хозяином. А сам Дорг некстати застыл посреди лестницы, преграждая проход.

Да уж. Я застыла испуганным кроликом, не зная, как поступить. В отличие от бесбашенного Гора и надменного принца, этот парень пугал меня одним своим видом. Неясной угрозой, опасностью, которую я чувствовала на интуитивном уровне.

Хотя с первого взгляда и не скажешь, что с ним было что-то не так: высокий худощавый блондин с длинной пышной челкой, закрывающей правый глаз, вел себя сдержанно, одевался элегантно в коричневые брюки и белоснежные рубашки. Всегда глаженные, всегда кипенно-белые. У него чисто визуально был только один изъян – кожа. Бугристая, вся испещренная прыщами и рывтинами. Видимо, кто-то еще не вышел из пубертата.

Но таких парней, с прыщами и челками, во всех мирах наверняка водилось много. Даже в моей школе на параллели было экземпляра три-четыре.

В общем, я не понимала, почему из всей компашки принца только этот с виду обычный парень внушал мне неконтролируемый ужас.

– Следи за словами, Рубковски! – вышел вперед Алексис и, спустившись на ступеньку, задел того плечом. – А не то получишь в сакс!

– Ты это мне, коротышка? – спокойно спросил Дорг и пихнул его рукой в грудь. – Прочь с дороги, а то затопчу.

– Алекс... – бросилась я к нашему старосте, чтобы оттащить его от третьекурсника, но не успела.

Произошло странное! Челка Дорга качнулась, открывая бесцветные бледно-голубые глаза, и волна страха затопила меня с головой.

В ужасе я затряслась и зажала рукой рот, чтобы не закричать.

Дорг был слепым. По-настоящему слепым. Голубые глаза безжизненно смотрели прямо перед собой.

Из-за этого, или вопреки этому, от него исходили такие эманации злости и ненависти, что чувствовались буквально кожей!

Но и это было не самым страшным. Судя по вздернутым вверх рукам, он собирался драться. Не кулаками, магией.

Дорг не выглядел слабым. Нет, наоборот. Мне подумалось, что благодаря магии он еще держится на плаву. Благодаря магии живет и чувствует себя сильным.

Вот только сможет ли Алексис выйти из щекотливой ситуации и не ввязаться в драку?

Увы! Мой защитник сейчас просто-таки кипел от гнева. Его веснушки превратились в темные пятна, а глаза опасно шурились. Руки вздернулись в защитном жесте, а с пальцев сыпались золотые искры. Он был готов дать отпор!

– Алексис, не связывайся! Плевать на него! – повисла я на руке парня и сделала попытку оттащить. – Пусть катится к черту!..

– Посмотрите, она еще и пасть смеет открывать! – пророкотал потерявший терпение Дорг. – Проучу вас обоих, сосунки.

И ударил в нас темной магией.

Всё произошло так быстро, что даже не верилось. Ведь мы всего лишь хотели пройти мимо и не нарывались на конфликт. Дорг сам спровоцировал Алексиса. Но кто ж нам поверит?!

Чернильное пятно сорвалось с кончиков пальцев, рассекаясь в воздухе на маленькие частицы и заляпывая пол, и, как невиданное животное, прыгнуло на грудь Алексиса.

Я не успела закричать. Лишь машинально отпрянула от старосты, в ужасе разглядывая разраставшуюся тьму.

Как живая, она ползла по рубашке Алексиса в разные стороны, растягивалась по его груди и норовила дотянуться до плеч.

А староста, вместо того, чтобы скинуть эту гадость, сосредоточенно метал в Дорга золотые искры. В форме ромбиков, они летели в противника наподобие дротиков, входили в его рубашку, рвали ее и, скорее всего, доставали до кожи.

Дорг издал возмущенный рев и схватился за сердце. Его челка резко взметнулась вверх и упала на слепые глаза. По лицу пронеслось смятение. Он как будто не ожидал получить отпор и не верил, что тоже ранен.

Впрочем, чернильное пятно находилось всё ещё поверх рубашки старосты и, возможно, не успело причинить Алексису вред. Я очень на это надеялась.

Внезапно Дорг взмахнул руками, как птица, вытаращил удивленно глаза и медленно стал заваливаться вниз. На ступеньки.

«Да он сейчас свалится, сломает себе шею и умрет!» – подумала я.

А нас потом обвинят в его убийстве. Ведь чернильное пятно было уликой – и всё еще виднелось на рубашке Алексиса. Да что там виднелось! Оно расплзлось по всему переду. Никак не скроешь. Очень видно.

А Дорг был из враждебной компашки, с которой я уже вступила в негласный конфликт. И никто не поверит, что это не я столкнула его с лестницы.

Все эти мысли в красках пронеслись перед внутренним взором. Дорга надо спасать! Быстрее ветра я метнулась к заваливающемуся на ступеньки третьекурснику. Схватила его за руку и дернула на себя со словами:

– Сними с Алексиса эту гадость! Немедленно!

Но Дорг был в обмороке.

Вот черт!

– Лейси! – удивленно окрикнул меня Алексис, но я уже оттаскивала на безопасное расстояние ослабевшего третьекурсника. – Зачем ты это делаешь?

– Спасая слепую бестолочь! – подбирать слова было некогда. Сказала как есть. Тащить Дорга оказалось делом непростым – парень весил раза в три больше меня. По крайней мере, так ощущалось. – Помоги прислонить его к стенке. Как бы он от болевого шока коньки не отбросил. Как думаешь, эти твои искры его сильно ранили?

– Что? – парень очумело выдохнул: – Сонные искры не ранят. Они всего лишь вгоняют его в сон.

– Тем более! Рухнул бы на лестнице спать и убили. Пойди докажи, что сам! – я подхватила Дорга под руки и, пытаясь и ругаясь, подтащила к стенке. Фуф, неблагодарное это дело – спасать врага!

Староста стоял и не двигался.

– Лейси, я тебя не понимаю. Он наслал на меня чернушку! – возмущенно ткнул в рубашку Алексис. – Оскорбил тебя нехорошим словом. А ты заботаешься о том, чтобы он не упал?!

– Не знаю, как в вашем мире, а в моем пользоваться беззащитностью человека подло.

– Он первый на нас напал! – возразил Алексис.

Тем временем тело Дорга медленно стало заваливаться набок. Пришлось снова подтянуть его, посадить поосновательней.

– Неважно. Зато моя совесть чиста. Кстати, это пятно смывается, не знаешь?

– Нет. Проще рубашку выкинуть и переодеться, – староста потянулся к пуговицам. Ловко расстегивая, он объяснил: – Субстанция чернушки очень прилипчива. Разрастается до двух метров в течение нескольких минут. Потом, спустя пару часов, снова сжимается до комочка. В детстве мы часто играли с ней, насылали друг на друга. Хотя родители потом ругались, но было прикольно. А здесь в академии ходить с чернушкой, ну... это лишний повод для насмешек давать. Лучше пойду без рубашки, чтобы никто не увидел.

– Но... То есть... это не смертельное проклятие? – с облегчением выдохнула я и подошла ближе рассмотреть пятно. – Интересная штука, на слайм похожа, только живая.

– Что такое слайм?

– Ну, это такая тянучка. Берешь ее в руки и растягиваешь сколько хочешь. Наподобие жвачки.

– М... и тоже плохо снимается?

– С волос – да, на одежду цеплять не пробовала, – серьезно ответила я, и Алексис вдруг рассмеялся:

– Ты что, подумала, что мы боевыми заклинаниями сражаться будем? Seriously?

– Ну... вы такими страшными были в тот момент, – смутилась я. – Слушай, давай его здесь оставим, на этаже, а сами пойдем. Он же не умрет, если посидит на полу, верно? Сколько времени длится сон?

– Минут пятнадцать спать будет, – Алексис остался в одной белой майке, а рубашку сложил пополам и сунул под мышку. – Пойдем. Выкину по дороге. Романсы ждут.

– А никто не удивится, что ты в ноябре расхаживаешь в одной майке? – сощурилась я.

– Нет.

– Не холодно?

– Нормально. Я закаленный. А если спросят, с чего вдруг, скажу, что записался на лечебную физру. Ее редко кому назначают, обычно после затяжных болезней.

Я удивленно вздернула брови, но комментировать не стала. Прокатит объяснение – хорошо. Не спросят – еще лучше. А если пристанут и будут издеваться – снова кого-нибудь вырубим.

Алекс умеет. И, оказывается, это совсем не страшно.

В самом хорошем расположении духа мы спустились в библиотеку.

Не скажу, что впервые очутилась в оплоте знаний и сокрытых истин, учебники-то я получала именно в главном зале библиотеки, но вот в сектор музыкальных записей еще ни разу не наведывалась.

Ноты с записями вокальных партий мне выдавала педагог. По остальным предметам пока ограничивались учебниками.

Я с интересом запоминала, куда следует идти – Алексис шел уверенно, не оглядываясь и не рассматривая надписи. После главной залы мы свернули к читальному залу.

– Вау! И не скажешь, что библиотека такая огромная! – восхищенно прошептала я, разглядывая стройные ряды длинных парт с выключенными хрустальными лампами, стеллажи книг на деревянных балкончиках и высокий потолок, украшенный резными деревянными балками.

Удивительно, что вместо узоров, на них были вырезаны животные – волки, лисы, медведи, тигры и драконы. Они перебирали своими лапками в воздухе и как бы летели над нами.

– Да, библиотека громадная. Три этажа под землей. Ниже – хранилище, тоже, поговаривают, уходит в землю на несколько этажей. Но студентов туда не пускают. Ходят слухи, – понизил голос староста, – что там хранится что-то чрезвычайно ценное. И это не золото!

Алексис выдержал настоящую мхатовскую паузу. Значительно прищурился, поглядывая на меня искоса, и я не выдержала:

– Что же? Говори, не тяни. Мне интересно!

– Божественные инструменты!

– Музыкальные?

– А то! Правда, дядя, то есть директор Дюваль ни разу не подтверждал эту версию. Отмалчивается, жмет плечами. А я столько раз его спрашивал! – в сердцах выдал Алексис.

Мы пересекли читальный зал вдоль и вышли в коридор, соединяющий разные тематические комнаты. Судя по табличкам на дверях – X век, XI и XII, книги там ранжировались по эпохам.

– А какой век сейчас? – заинтересовалась я.

– Тринадцатый, – Алексис махнул в сторону двери со скрипичным ключом: – Здесь, кстати, можно взять запасные детали.

– В библиотеке? – удивилась я.

– Конечно. Некоторые играют на старинных инструментах. Струны, смычки, подставки и прочее найти в обычных магазинах нелегко. Только у коллекционеров искать. Но студентам не рекомендуется просто так покидать Борвуар по будням. Вот для удобства запасные детали инструментов здесь и хранятся.

– Ясно.

Мы прошли коридор веков, как я его мысленно окрестила, и завернули за угол. Там была небольшая деревянная лестница буквой Г, ведущая вниз.

– Слушай, а где библиотекари? – пока мы ходили по библиотеке, которая больше напоминала лабиринт, никто нас не окликнул и на глаза не попался. – Жутко как-то ходить по библиотеке в одиночестве.

– Так у нас нет библиотекарей. Сами справляемся.

– Это как?

Алексис усмехнулся.

– Студенты направляются на отработку за провинности в библиотеку. Если нужно найти книгу, запрос делается через специальный агрегат – мы его вначале главной залы видели. Музыкальные записи и пластинки нужно искать самим по каталогу. Вот в комнату с каталогом я тебя и веду.

– Но... не может быть, чтобы библиотекаря не было. Мне учебники выдавала живая девушка! – возразила я. – Такая высокая, худощавая...

– А, Мариса! – сразу догадался Алексис. – Она помощница директора Дюваля. Выдавала учебники и сканировала ауру, чтобы предоставить доступ. Обычная процедура.

– Какой доступ?

– Думаешь, шли бы мы спокойно, если бы у тебя или меня не было доступа в библиотеку? При поступлении студента заносят в реестр существ, допущенных до библиотеки. А дальше уже всё на доверии. академия не следит за каждым твоим чихом, Лейсан. Доверяет тебе самое ценное – ресурсы. Лишь бы ты училась. А вот если, например, ты захочешь умыкнуть после окончания академии учебник, будет очень легко вычислить, что его взяла ты. По твоей ауре.

– Я не собираюсь воровать! – возмутилась до глубины души. – Что у тебя за примеры странные?

– Прости. Я просто рассказал, как работает механизм. Вот мы и пришли, кстати!

Алексис втянул меня в невысокую комнатку без дверей. В ней стояло много деревянных шкафов с маленькими ячейками и алфавитными указателями. Искать романсы следовало по фамилии композитора.

Оглядевшись, я пришла к выводу, что библиотека очень была похожа на нашу, земную! Помнится, в младших классах я ходила в районную, и там были точно такие же шкафы.

– Романсы Гриндельса неплохие! Их и поищем, – пробормотал под нос Алексис.

Парень сделал движение по направлению к стеллажам, но потом вдруг размахнулся и залихватски кинул куда-то свою скомканную рубашку.

Черное пятно, к слову, уже выглядывало с внешней стороны.

Точный бросок, мой удивленный возглас, и вот рубашка смешно выглядывает из деревянной мусорки в углу.

Меня это покорило.

– Тебе не кажется, что лучше было бы выкинуть ее в туалете?

– Какая разница! – пожал плечами староста и двинулся к стеллажу с буквами Г-Д. – Сейчас найдем по-быстренькому романс, снимем копию и разойдемся по комнатам. Искать туалет некогда.

– Здесь есть копировальная машина?

– Нет, я умею копировать предметы при помощи магии, – усмехнулся парень.

Его длинные пальцы ловко перебирали карточки, пока не остановились на нужной. С присвистом он вынул пожелтевший листок.

– Вечерней вишни аромат улады... Никогда о таком романсе не слышал. Давай возьмем. Стеллаж К-118, соседний зал, судя по всему.

Его азарт я не разделяла. Не слышал? Тогда как мы выучим ноты за полчаса?

– Может, лучше выберем знакомый романс? Повторим перед сольфеджио в коридоре... Если я не успею разучить, ты подскажешь.

Мне казалось, что я озвучила весьма рациональную вещь. Если мало времени, лучше схитрить и выбрать знакомую вещь. В земных романсах я не была сильна, но однажды по сольфеджио нас тоже попросили принести романс, не уточняя, для каких целей. К счастью, я догадалась взять ноты романса «Гори, гори, моя звезда». Потом целый урок мы тыкались в аккорды и разбирали гармонию. Мне было проще, чем другим, так как я хотя бы не отвлекалась на мелодию. Играла ее автоматически, полностью сосредоточившись на задании.

А вот мои менее расторопные одноклассники не то что аккомпанемент не могли сыграть – на мелодии спотыкались.

Вместо того, чтобы согласиться и похвалить меня за идею, староста нахмурился и упрямо сжал губы.

– Знаешь, Лейси, в чем твоя проблема? Ты всегда стараешься сделать как лучше. Иногда это порядком раздражает.

Задвинув со стуком ящик, он приблизился. Наши глаза были почти на одном уровне, а носы – еще пара сантиметров, и соприкоснулись бы. Мы стояли так близко, что слышали дыхание друг друга. И если я дышала возмущенно и громко, как паровоз, то староста – рвано и нервно.

Неужели я и впрямь разозлила его? Но ведь это же глупо!

– Чем тебе не нравится прилежность? Я учусь, и мне хочется учиться лучше.

– Ты во всем стараешься быть лучше.

– Стремлюсь к идеалу. Нормальное и объяснимое желание.

– Идеала не существует. Твое желание быть на высоте сковывает и ограничивает! – с жаром сказал Алексис.

Вот, приплыли. Я и не догадывалась, что в голове нашего старосты, прилежного и успевающего студента, роятся такие мысли. Что-то бунтарское!

– Нет, – я мотнула головой и все-таки задела носом старосту. И что он так близко подошел? Пугает даже, – стремление сделать лучше не может ограничивать. Ты неправ.

– Смотри, у нас есть возможность сделать что-то необычное. Выделиться, чтобы мисс Крюк добавила нам плюсики за оригинальность и отметила, – он тряхнул карточкой. – В детстве я фанател от Гриндельса и слышал все его романсы. По крайней мере, те, что пелись в Королевском театре. Все известные романсы.

– И?

– Романс про вишню мне не попадался. А значит, он совсем старый. И никто из наших его не возьмет. Все будут руководствоваться твоими рассуждениями – мол, лучше взять то, что на слуху. Это наш шанс! Мы можем показать себя не как студенты, отбарабанившие обязаловку, а как вдумчивые и прилежные личности.

– Ты противоречишь сам себе, ты...

– Просто поверь мне, – горячо прошептал Алексис, и вдруг его губы оказались в каком-то миллиметре от моих, – романс про вишню принесет нам удачу. Я чувствую это.

– Ну... – засмушалась я и нервно отодвинулась. – Если ты настаиваешь...

В конце концов, для меня все романсы Гриндельса незнакомы. Чужой мир, чужие композиторы. Хорошо, хоть ноты и гармония – одни и те же. Не нужно переучиваться.

Пусть Алексис берет любой романс, какой считает нужным. А я постараюсь быстренько выучить его. На память никогда не жаловалась, обычно схватывала на лету.

Так что зачем ругаться из-за такой мелочи?

– О да! – по губам Алексиса расплзлась шальная улыбка. – Настаиваю. Пойдем, взглянем на него!

Романс мы нашли быстро. В библиотеке царил идеальный порядок, все ноты хранились в прозрачных папках на стеллажах. Хранились под заклинанием магии, полагаю, потому, что даже тоненькие папочки не падали, а на полках не было ни грамма пыли.

Взглянув в ноты, мы радостно выдохнули. Романс занимал всего четыре страницы.

Староста положил ноты на крохотный столик, который мы нашли в углу, и некоторое время молча водил над ними руками.

Копия была полностью идентична. На всякий случай я проверила – даже стихи на четвертой страничке были написаны полностью.

– Ты меня обижаешь! Разумеется, копия идентична. Не веришь – бери оригинал, а я возьму копию, – сказал Алексис, когда мы с ним положили карточку на место. Вместо росписи он приложил медальон к карточке, и там высветилось что-то голубое. Искра или надпись – я не разобрала.

– Зафиксировалось, что ноты взял я, – пояснил Алексис, и мы также быстро проделали обратный путь.

По дороге нам снова не встретилось ни единой души. «Всё-таки странное место», – подумала я, выходя к лестнице.

– Мне надо сбежать в комнату переодеться. А потом встретимся перед аудиторией... – деловито сказал Алексис и замер на полуслове, повернув голову.

На выходе нас уже ждали.

И, увы, это оказался не библиотекарь.

От стены оторвались две тени. Высокие, опасные. С хмурыми решительными лицами.

«Что? Опять?!» – хотелось простонать мне, но это не был момент для слабости.

Напрягшись, я подобралась, вспоминая курсы самообороны, на которые ходила целый месяц, и приготовилась дать сдачи. Свою жизнь и честь, если на нее покусятся, я была готова отдать дорого. Безумно дорого!

Глава 3. Внезапная

– Ха-ха-ха! – насмешливо произнесла одна из теней, оказавшаяся незнакомым парнем в кожаной жилетке с заклепками. Роста под два метра, он едва не пробивал головой потолок.

С виду – постарше нас.

Странно, почему он одет в жилетку? Хотя в академии и не было утвержденной формы, но разгуливать в повседневной одежде запрещалось. Ни разу не видела, чтобы кто-то надевал кожаные брюки или шорты с футболками. Все студенты негласно старались соблюдать смесь офисного стиля с праздничным.

Парень дернул головой и всё-таки задел потолок. Поморщился.

Да, потолки в подвале были изначально низкими, а мы с Алексисом – невысокими. Но все эти параметры лишь подчеркивали высокий рост громилы и его дружка.

Второй тоже подошел ближе и тоже был одет в кожаную жилетку. В отличие от первого, от него веяло агрессией и неприятностями.

«Всё! Кажется, сейчас нас будут бить. И, может быть, даже ногами!»⁵ – подумала я, перехватила ноты, сунув их под мышку, и грозно выставила перед собой кулаки.

– Вы только посмотрите, чем занимается наш золотой Алекс! Портит девок в библиотеке! – сказал первый громила.

– Браво, браво! О том ли грезила твоя мать? – нарочито громко похлопал второй парень.

Удивительно, но они пришли не за мной. Я даже слегка опешила, когда это поняла.

– Твои друзья? – холодно спросила у старосты.

– Когда-то были! – пошутил он и молниеносным жестом задвинул меня за спину. – Держи крепче ноты. А вы что приперлись? Соскучились?

– Ага, как же! – белозубо ухмыльнулся первый. – Митч просил тебе кое-что передать...

Я только успела моргнуть глазом, как громила сделал выпад и ударил своим мощным кулаком старосту в живот. Алекс крикнул и согнулся пополам, а громила хрипло рассмеялся.

– Да что вы себе позволяете?! – выкрикнула я. – Оставьте его в покое!

– Смотри, Райд, а девка-то симпатичная! – переключился на меня первый. – Развлечемся? Петь умеешь, красотка?

– Брось, Гик, она тут ни при чем! – отдышавшись, поднялся Алекс. С его пальцев стряхнулась магия, но заметила это, похоже, только я. – По-хорошему говорю: уходите. Митча понял, больше он обо мне не услышит.

Да, напугать этих бандитов сонными ромбиками не получится. Они просто не прорежут кожаные жилеты. Застранут в них.

Что же делать? Сбежать не вариант – они перекрывали нам выход.

Выйти из подвала можно было только по их головам.

...Что ж за день-то такой невеселый!

– Э, нет, Алекс, – второй громила, по-видимому, Райд, как-то быстро оказался рядом со мной. Охнуть не успела, как он взялся за подбородок и приподнял его, жадно рассматривая. – Смазливая!.. Попользовался сам, отдай товарищу. Мы прихватим ее с собой, Алекс. За моральный ущерб. Ты сопротивлялся, причинил нам нервы... – ухмыльнулся он.

Я смотрела в темные, как будто неживые глаза и понимала, что крепко влипла. Бандиты – не студенты, как-то смогли проникнуть на территорию академии, выследили Алекса, и теперь собирались выкрасть меня. Они обошли даже охрану! Обманули защитный магический контор, про который нам рассказывали первого сентября.

---

⁵ «Двенадцать стульев» Ильф и Петров.

Я пропала.

Ведь магией пользоваться не умела. Да и вызвать подмогу не смогу. Читала, что особо продвинутые студенты пускают фонтаны в воздух, наподобие наших охотничьих сигнальных огней. Но мне до такого уровня далеко.

А староста в этот раз не вмешается. Потому что сам повязан по рукам и ногам. Что-то связывало этих бандитов и Алекса. И явно эта связь не в мою пользу.

– Нет!

Четкий окрик Алекса меня удивил. Громил тоже. Они даже подвисли, раздумывая.

Значит, Алекс решил меня выручить и в этот раз?

Парень, что лапал мое лицо, резко обернулся, но не успел толком среагировать, как в его лицо полетела черная масса.

Чернушка!

– Эй, ты! – грозно надвинулся на нас его напарник, но и он получил чернушку.

– Бежим! – неожиданно крепко схватил за руку Алекс, и мышами мы проскочили меж двух обезвреженных громил.

Прыгая через ступеньку, спотыкаясь от волнения на поворотах, я бежала за храбрым старостой аж до третьего этажа. Потом мы пересекли коридор и спустились на второй этаж, только уже во втором крыле здания.

академия была построена в форме буквы П. Очень удобно убегать от преследователей, на мой взгляд.

– Слушай, Лейси! – остановился перед кабинетом сольфеджио Алекс. И если я после наших перебежек изрядно запыхалась, то староста дышал спокойно и ровно. – Стой тут и ничего не бойся. Они не посмеют подняться наверх. Я только побегу переодеться и через десять минут вернусь.

– Хорошо! – согласилась я, испуганно оглядываясь. – Только ты потом мне обязательно расскажешь, что это за парни. И почему они напали на тебя!

Алекс замер. Пару секунд молча рассматривал меня, будто убеждаясь, что я человек надежный и мне можно доверять, и потом сказал:

– Ладно, расскажу. Жди меня у аудитории, про романс не волнуйся, сыграем...

Переволновавшись, мы и не заметили, что в коридоре появился третий человек.

– Интересно, студент Бервотти, – холодно произнес голос за нашими спинами, – зачем студентка Горчакова должна вас ждать? И потрудитесь объяснить, почему вы позволяете себе разгуливать по академии в таком непотребном виде?

Сердце ушло в пятки. Я уже чувствовала, как огромные неприятности дышали мне в затылок. Сегодня был не мой день. Мне не повезло в кубе. Ведь я знала, кому принадлежал этот мерзкий, ледящий душу голос.

И уже не верила, что смогу безболезненно отвязаться от него.

– Магистр Сорейн! – кисло поприветствовали мы преподавателя по аранжировке. Я присела в легком книксене – пришлось научиться его сносно делать, раз в академии принято подобное приветствие, а староста дернул подбородком, будто его прострелила зубная боль.

Магистра Сорейна по прозвищу «Сморчок» не любил в академии никто. И неудивительно – еще не старый мужчина, лет сорока – сорока пяти, лез во все вопросы и ворчал, как столетний дед. Ему до всего было дело! Почему парты поставили вдоль стен, а не как положено, почему отчетный концерт академии отменили, а вместо него который год проводят мюзикл, в котором задействованы не все студенты, почему молодое поколение легкомысленно относится к аранжировке и в целом деградирует?

Даже его внешний вид был каким-то отталкивающим: слишком длинные руки с крючковатыми пальцами, несуразно короткая жилетка и все время грязный воротник рубашки. Мы понимали, что магистр Сорейн не женат и, скорее всего, не умеет ухаживать за своими вещами.

Мы могли бы простить ему излишне блестящую лысину, блеклые голубые глаза и всклокоченные коричневые волосы с тонкими проблесками седины.

Но простить грязный, иногда даже заляпанный пятнами жира воротник, было выше наших возможностей. Неужели так трудно взять мыло и выстирать эти чертовы воротнички? Он носил рубашки только светло-голубого оттенка. И, представьте себе, на всех можно было заметить эти следы. Особенно становилось неприятно, когда он наклонялся перед твоим носом, чтобы проверить нотную тетрадь.

– Мы ждем следующего занятия, – степенно ответила я, стараясь не паниковать.

Все знали – излюбленным развлечением магистра было подловить нерадивого студента на какой-нибудь провинности и потащить к директору. А мне появляться перед господином Дювалем второй раз за день нельзя было категорически – за аморальное поведение полагался штраф. А я всё еще питала надежду получить повышенную стипендию в декабре.

– Почему в таком виде? Занимались непотребствами? – гадливо усмехнулся магистр.

– Нет, мы были в библиотеке, – Алекс беспардонно помахал перед его носом нотами. – А насчет рубашки – дело вышло так: я случайно испачкался вареньем во время... завтрака. И не заметил. Так бы и ходил весь день, да Лейсан мне подсказала.

– Хм! – ни капельки не поверил Сорейн. – И где она, твоя рубашка?

– Выкинул. Там воротник испачкался, вот здесь! – ткнул Алекс в ключицу. – Ну я и подумал: отстирать малиновое варенье трудно...

– Персиковое! – перебила старосту, вовремя вспомнив, что на завтрак сегодня выдавали только персиковое варенье.

– Да, персиковое варенье совсем не отстирывается. Вот я и подумал, зачем мне грязная рубашка? Выкину ее в урну.

– И пошел в майке! – сощурился Сорейн.

Ох, не к добру был этот его взгляд. Наверное, прикидывал, как поиздеваться над нами побольше.

– Да, а что? – вскинулся Алекс, не подозревающий, что наступил на самое больное место. – Лучше ходить в майке, чем в грязной рубашке девчонок отпугивать. Когда носишь майку – миллион преимуществ открывается. Вот Лейсан, например, сразу оценила мои мускулы. Часик походила бы со мной и согласилась бы встретаться.

– Что?!.. Эм... ну... – сделала страшные глаза старосте и попыталась перетянуть внимание взбешенного магистра на себя: – Он закаляется так. Ему врач прописал во время выздоровительных процедур ходить в майке.

– Для восстановительных процедур! – поправил Алекс, но я качнула головой, сигнализируя, мол, не вмешивайся. Сама разберусь.

Девочек магистр ненавидел чуть меньше, чем мальчиков. И это тоже знали все.

Сорейн побагровел. Нет, он просто раздулся до размеров огромной блестящей пираньи и клацнул зубами. А потом с тихим бешенством произнес:

– К директору! Сейчас же! Оба!

– Но у нас важное занятие по сольфеджио! – пыталась возразить я. – Мы и ноты подобрали. Романс играть будем, разбирать его...

– Это вы расскажете директору! – зловеще хохотнул Сорейн и одним щелчком пальцев развернул перед нами темное окно портала. – Входить по одному. Быстро!

Переглянувшись, мы с обреченным видом шагнули внутрь. Спорить с вредным Сморчком – себе дороже. Однажды он спеленал зарвавшегося студента какой-то склизкой коричневой паутиной. А ведь парень всего лишь хотел поговорить. Не с директором, а со Сморчком.

Приемная директора блистала. В самом прямом смысле – секретарь директора Нефeya только что закончила развешивать гирлянды и убирала в большую коробку упаковки от игрушек. Настоящая живая елочка играла огоньками, блестела ярким малиновым наверху в

форме капли. С люстры свисали пластиковые снежинки. На единственном окне горела неоновая надпись «Снежной зимы!».

– До праздника Зимы еще полтора месяца. Зачем нарядила? – проворчал магистр Сорейн и недовольно фыркнул. – Директор занят? Вот, привел нарушителей. Доложи о нас.

Ни елочка, ни миловидная секретарша Нефeya в темно-зеленом облегающем платье по колено ему не понравились. Он окатил презрением обоих.

– Занят. Разговаривает с начальством, – поджала губы Нефeya и скомкала упаковочную бумагу, – придется подождать.

Она вернулась к своему столу, на котором горой высились полупустые коробки. Задумчиво пробежалась пальчиками по разноцветным игрушкам, мишуре и дождику, гирляндам, бусам, пластиковым и бумажным. Достала ярко-красную мишуру, но потом покачала головой и положила на место.

Девушка внимательно осмотрела приемную и решительно вынула из коробки красные бусы. Она примерила их к шкафу, но не смогла прицепить и переключилась на картину, висевшую над черным кожаным диванчиком для посетителей.

На картине было изображено цветущее лето: поле, речка, несколько берез. Но пейзаж не смутил Нофею, и она повесила гирлянду, растянув от края до края.

– А наряжаю я не для того, чтобы вам угодить, магистр Сорейн, а для создания новогоднего настроения! Иногда предвкушение праздника слаще его самого.

– Одна, что ли, будешь отмечать? – проскрипел Сорейн, отчего секретарша вспыхнула. Он посмотрел на гирлянды, снова недовольно цыкнул и без всякого приглашения уселся на черный диванчик. – Кофе сделаешь? Пока поймаешь всех хулиганов, в горле пересохнет.

– Кофе кончился. Вода в кулере есть! – отрезала Нефeya и повернулась к нам: – А вы что? В другой день отличиться не могли? Директор Дюваль сегодня не в духе. Алексис, что на тебе надето? Как ты?!.. – она всплеснула руками и набросила на меня: – Лейсан! Мало тебе проблем? Снова отличаешься?

– Простите, мы не нарочно! – сверкнув глазами, ответила я.

Симпатия к секретарше разом испарилась. Влезать в чужие дела, ругать, не зная подробностей – никогда не любила скорых на расправу людей. Да какое право она имеласудить? Тем более когда в дело замешан Сорейн. На ее месте я бы десять раз подумала, прежде чем верить ему.

– Мисс Нефeya! – прочистил горло Алекс. – Мы шли и, понимаете...

Договорить ему не дали. Дверь в приемную распахнулась с такой силой, что чуть не слетела с петель. Директор Дюваль, мрачнее самой темной ночи, метал грозы и молнии. Даже его усики подрагивали как под напряжением.

Я попятилась, не в силах сдержать испуг. Секретарша тихонько ахнула.

– Что эти здесь делают? – обратил он внимание на нас с Алексисом. – Вон! Не до вас сейчас. Нефeya, папки за прошлый год, да побыстрее!

Секретарша подскочила и рванула куда-то из приемной, цокая каблучками. Даже дверь за собой не закрыла. И это показалось мне дурным предзнаменованием. В академии что-то происходило. Неужели с проверкой приедут?

– Господин Дюваль! – покряхтывая, поднялся с дивана Сорейн. – Этих хулиганов я поймал...

– Потом, Дик! – отмахнулся директор. – Пусть валят. Времени нет. Ты тоже заходи завтра вечером, потолкуем. На тебя льются жалобы, – директор щелкнул пальцами, – даже не идут. Льются! Мне это надоело.

– Да, господин Дюваль! – сник магистр, а потом обернулся к нам и зло выпалил: – Что стоите? На выход. Не видите, господин Дюваль занят?

Переглянувшись, мы дружно выбежали в коридор. А потом, не останавливаясь, спустились на первый этаж и разбежались по общежитиям. Благо они находились тут же, в здании.

Вообще, когда я впервые шла по Академии музыки Борвуар, то не могла поверить своим глазам: здание, в котором предстояло жить и учиться последующие четыре года, в моем понимании походило на дворец. Версаль, не меньше! Маленькие комнатки, которые расширились магией, становились вместительными огромных музыкальных классов, в которых было всё необходимое: например, в моем классе по вокалу стояла сценка, колонки, микрофон на стойке и огромный черный рояль. Тут же находилась коллекция нот, занимающая несколько шкафов, граммофон с пластинками и портреты выдающихся иманисских певцов. Мой преподаватель по вокалу, мадам Риц, очень любила повторять, что музыка не знает границ.

А вокал как самый нестандартный инструмент тем более не ведает ограничений. Так что мы тренировались петь во всех известных направлениях музыки. За два месяца обучения я попробовала спеть и рок-балладу, и народную песню – выбрала русскую «Валенки», и блюз, и рок-н-ролл, и рэп – он понравился меньше всего, и даже вокализ из одной известной в Иманисе оперы. Завершила же наши эксперименты ария из мюзикла, которую и услышал краем уха мистер Крюк.

Мадам Риц сразу же заиграла ее после распевок, что удивительно – раньше она предпочитала включать аккомпанемент на записи, теперь же сама весьма ловко выводила партию на рояле. И наш спонсор не сдержал довольного восклицания. Для меня этот мюзикл был покрыт тайной за семью печатями – я знала лишь название произведения: «Возрождение племени», а о чем там говорилось – понятия не имела. Мадам выдала лишь ноты для домашнего разучивания – арию Поэтессы. Ее и пела.

Слова там были странными, что-то о долгом ожидании, ценности магии и всеобщей любви, но арии часто грешат преувеличением и пафосом. Так что я не вдумывалась слишком. Не получится хорошо спеть – возьмем другое произведение. Мадам пока изучала мои возможности, в том числе и актерскую подачу. Она всегда говорила, что любую песню надо пропускать через себя и проживать, как в последний раз.

Я старалась. Лезла из кожи вон, учила до ночи в репетиционных классах – нам, студентам, разрешалось там репетировать и делать домашние задания. Хорошо хоть находились они в достаточном количестве и были рядом с общежитием. Всем хватало места, и заниматься там было удобно.

Традиционно общежитие делилось на мужское и женское. Располагались они в двух крылах здания. Посещать репетиционные комнаты разрешалось как при женском, так и при мужском общежитии.

Нырнув в маленькую неприметную дверцу в главном холле, я попадала в длинный-предлинный коридор, прямой, как палка. Там-то и располагались комнаты студенток. Жили мы по трое, и в целом я была довольна. Да, личного места как такового у нас не было – одна комната, три кровати, три тумбочки, три шкафа и три стола. Удобства на этаже, хорошо, что в достаточном количестве.

Но вот с чем смириться было сложно, так это с тем, что селили нас не по факультетам, а как попало. Поэтому я жила с трубачкой Софи и пианисткой Марлок. И если Марлок проблем никому не доставляла, то Софи больше всего на свете любила разучивать партии не в репетиционном классе, а в комнате общежития.

Вот и сейчас, вбежав в свою комнату, я с неудовольствием увидела Софи, протирающую свой мундштук⁶.

– У тебя разве нет пары? – вернула недовольный взгляд она. – Ты рано. А я решила повторить этюд перед специальностью.

---

⁶ Мундштук – часть духового инструмента, обычно съёмная, которой исполнитель касается ртом.

– Думала, это у тебя целый день занятия, – кинув на столик ноты, я без сил упала на кровать. – Можешь, пожалуйста, не играть? Сегодня день какой-то... внезапный. Хочу отдохнуть часок.

– Угу! – буркнула Софи и вернула мундштук на место.

Глава 4. Решительная

«Иногда надо проявлять твердость духа. Не всю же жизнь голову в песок прятать?» – успокаивала себя, стоя перед мадам Брюль на коленях.

Подумаешь, накажут мытьем коридора. Длинный он, конечно, как транссибирская магистраль, но ведь ничего невозможного нет. Отмоем. Как в прошлый раз.

Рядом пыхла Софи. Ей пришлось тяжелее, потому что уже минут пять она держала перед собой на вытянутых руках грозное оружие – трубу. Что поделаться, мадам Брюль была карликом ростом нам обеим по бедро. И всех нарушителей она любила ставить на колени. В воспитательных целях.

Делала магией подсечку, человек падал. Она фиксировала. Всё просто!

– Еще раз узнаю, что деретесь, господину директору пожалуюсь! – ворчала комендантша. – В прошлый раз два синяка, в этот раз два фингала. В следующий переубиваете друг друга?! Как вам не стыдно драться?! Вы же девочки! Вы должны быть нежными, ласковыми, заботливыми!..

– Это она девочка! – скривила губы Софи. – А я трубачка. Мне не до нежностей.

– У нас неразрешимые противоречия, – лаконично ответила я.

Комендантша вспыхнула и покачала головой:

– Воспитания у вас нет. Никакого! Ладно хоть Софи – уличная девчонка, интернатка. А ты-то, Лейсан, как на такое пошла?

Мадам Брюль имела в виду сине-фиолетовое пятно, наливающееся под глазом у соседки. Я мельком глянула и не сдержала самодовольного вздоха: хорошо я ее приложила, и ведь не скажешь, что пеналом.

А нечего было трубой замахиваться. Я не придумывала, когда сказала, что Софи первой начала.

Теперь хоть стало понятно, отчего соседка такая дикая: делает всё по-своему, ничьего мнения не слушает, с нами, соседками, только ругается.

А ведь я просила ее не играть.

Но нет. Этюд важнее всего на свете. Иногда мне казалось, что Софи свихнулась на своей музыке.

– Завтра моему коридору, – припечатала мадам и поднялась со стула, на котором сидела, – с разных концов. И чтобы тщательно – лично проверю. Ведро и тряпка будут ждать вас в шесть вечера. И не отвиливать, понятно? Кто опоздает хоть на пять минут – пойдет мыть полы в столовую. Там всегда ваши же и пачкают...

Когда комендантша вышла из комнаты, мы с трудом поднялись с затекших коленей. Каждая поковыляла к своей кровати и без сил завалилась на нее. Всё-таки сегодня мы дали лишку. Лицо болело. Глаз заплыл, а смотреть в зеркало было страшно.

Еще я плохо представляла, как в таком виде покажусь перед одноклассниками.

Что обо мне подумают преподаватели?!

– Из-за тебя я пропустила специальность! – услышала глухой голос Софи. – Этому тебе никогда не прощу!

Захотелось вздеть глаза к небу и высказать всё, что думаю о ней и ее поведении. Вот самомнение у человека! Сама заварила кашу и меня же в ней обвиняет. Поразительно!

Но я лишь ответила:

– Из-за твоего упрямства одни проблемы! Как я пойду в таком виде на репетицию? Как буду петь – ты об этом подумала? Даже говорить больно. Ты расшибла верхнюю губу своей трубой.

– Не надо было хватать ноты.

– Не надо было репетировать в комнате. Она для этого не предназначена!

Софи запыхтела. Назревал новый скандал. Сейчас она снова набросится на меня со своей индивидуальной программой, которую не хочет никому показывать, а потому репетирует в комнате, и я снова получу по фейсу.

Как-то даже надоедать стало.

Вот что поразительно – Софи совсем не оправдала моих ожиданий. Она была какой-то неправильной трубачкой. Дикой. Когда я согласилась заселиться в ее комнату, думала, что у меня будет спокойная нелюдимая соседка с замашками ботаника. Почему-то так я всегда представляла духовиков. У них должны быть железные нервы и жесткая самодисциплина. Ведь если тебя что-то расстроит или взбудоражит – как ты будешь спокойно ноты вдвухать-выдвухать? Дыхалка собьется!

Удивительно, но Софи промолчала. Задумалась над своим поведением? Я очень на это надеялась.

Да, она пропустила урок по трубе. Да, теперь она, наверное, умирает от невозможности его вернуть. Но я не чувствовала за собой никакой вины – Софи абсолютно нагло не считалась с нашим мнением и вела себя не по-дружески. Она игнорировала мои просьбы, просьбы Марлок... Софи не заслуживала сочувствия, хотя я и понимала, какой ад развернулся в ее душе.

– Прости.

Мне показалось?

Повернувшись на бок, я уставилась в немом удивлении на соседку. Рак на горе свистнул? Или небо упало? Впервые слышала, чтобы Софи извинялась. Надо законспектировать этот случай для потомков, а то не поверят.

Софи изучала потолок с прилежностью кладоискателя.

– Я дала лишку. Это не только моя, но и твоя комната, – ровно произнесла она.

– И Марлок! – напомнила про нашу пианистку.

– Я постараюсь... больше так не делать.

Слова давались ей с трудом. Да, непросто признавать свои ошибки.

– Хорошо. Я рада, что мы всё прояснили. В комнате не место репетициям.

– Я буду репетировать, когда никого нет, – также спокойно проговорила Софи. – Поменяюсь с кем-нибудь и перенесу специальность на попозже. Можно даже на обеденное время. Когда все обедают, тут никого нет.

Я не сдержала разочарованного стога и укусила в сердцах подушку. До чего же я наивна! Раскаялась она, как же. Не научить старого пса новым фокусам.

– Софи! Ты меня когда-нибудь до инфаркта доведешь! – простонала я. – Ну почему, почему ты не можешь просто репетировать в специальном помещении? Там звукоизоляция, пюпитры, фортепиано... Что хочешь! Там хорошо, тепло, никто не мешает!..

Я даже на кровати села, не в силах вынести этого дикого иррационального упрямства.

– Не хочу, – кратко ответила соседка и отвернулась лицом к стене. Больше я от нее не услышала ни слова.

Ворча про себя о тупости и упрямстве некоторых, я переоделась в домашний костюм и решила сходить в ванную умыться. Очень надеялась, что по дороге никто из знакомых мне не попадется, а крови на лице немного. Но, к сожалению, надеждам не суждено было сбыться.

В коридоре напротив двери меня поджидал Алексис.

Парень успел переодеться в белую рубашку и коричневые брюки.

– Лейси, у нас проблемы, – начал было он, а потом разглядел мой наливающийся малиновым фингал и разбитую губу и вспыхнул: – Кто это тебя так?.. Когда?! Ты... подралась?!

В его глазах плескались удивление и ужас вперемешку с восхищением. Конечно, для Иманиса мое поведение было нестандартно. Дамы не дрались, они игнорировали друг друга.

Дамы-магички изводили соперниц каким-нибудь хитроумным способом и старались не попадаться на своих шалостях.

Как сказала наша комендантша, Софи – сирота и получила плохое воспитание. Что поделывать, в сиротских приютах не возвращают леди. Я же для Иманиса оставалась темной лошадкой.

– Долго объяснять, не парься! Пройдет! – нарочито бодрым шагом я двинулась к ванной комнате. Алексис послушно потрусил следом. – Пospорила тут немного с одной девчонкой, вот и получилось... Как думаешь, сольфеджио уже закончилось? Мне нужна Арли. Вернее, не столько она сама, сколько ее тоналка.

– Еще бы не закончилось. Пять минут назад мисс Крюк перехватила меня в коридоре и сделала выволочку, – пробормотал под нос Алексис, потом добавил громче: – Выругала за то, что я пропускаю ее предмет. Не слежу за успеваемостью группы. Кроме нас отсутствовали Нонна и Артур. И представляешь, я не смог их найти. Нонну не видели с утра, Артура пойду искать сейчас.

– А... – единственное, что могла сказать в ответ.

Судьба Нонны и Артура меня не волновала от слова совсем. Подумаешь, прогуляли сольфеджио. Конечно, нафантазировать можно что угодно – и что их похитили, и что они убежали на свидание, и даже теорию всемирного заговора против исполнения романсов можно подгрести. Однако я склонялась к мысли, что они просто не успели подготовиться, как и мы. И решили, что если прогуляют, их не спросят. Мисс Крюк забудет, а на следующую лекцию зададут новое домашнее задание.

Но о таком раскладе могли мечтать только совсем оторванные от реальности люди. Надо знать нашу преподавательницу по сольфеджио: чтобы она, да еще кому-то что-то спустила с рук? Да ни за что!

Мы остановились напротив распахнутой двери в ванную.

– В общем, мисс Крюк ждет нас всех сегодня в пять, чтобы принять романс, – ошарашил староста, – иначе поставит двойки и не допустит к сессии. Тебе я передал, осталось найти этих двоих.

Алексис упрямо старался не смотреть на мой фингал. И всё равно тот притягивал его магнитом.

– Обалдеть! В пять часов у меня вокал! Что же делать?! – расстроилась я. – Если не приду на пересдачу, мне влепят двойку и не допустят до сессии. А если пропущу специальность, то...

Я замолчала, запутавшись в собственных эмоциях. Пропустить вокал? Ни за что! Очень некстати вспомнилось отчаяние трубачки, когда она поняла, что пропустила специальность. Ее решимость мне отомстить и угрозы.

Впервые мне показалось, что я поняла ее чувства. Мне самой меньше всего на свете хотелось пропускать вокал. И не потому, что я боялась наказания или выговора мадам Риц. Нет, дело было не в этом.

Специальность стала смыслом моей жизни. Все предметы подчинялись специальности: сольфеджио, музыкальная литература, гармония и прочие. Я изучала их потому, что они помогали лучше учиться по основному направлению. Расширяли мои возможности, мое знание предмета, общую музыкальность. Я знала и понимала, что все предметы в академии важны. Да, они все равноправны.

Почти.

Потому что предпочесть сольфеджио вокалу и пропустить его было выше моих сил.

И всё-таки после ультиматума мисс Крюк это следовало сделать.

– Сейчас половина третьего. Я обойду академию, найду наших пропавших и вернусь к тебе в начале четвертого, – деловито сказал Алексис, всё еще не глядя на меня, – мы выучим романс, подготовимся, а потом ты пойдешь на вокал. Спокойно позанимаешься. Нас будет

трое, и я вполне смогу потянуть время. Отвлеку мисс Крюк извинениями, вопросами, спрошу, какой романс она любит больше всего... В общем, сорок пять минут у тебя есть. А уж без четверти шесть, будь любезна, приди на пересдачу. Мисс Крюк второго шанса тебе не даст.

Я глядела во все глаза на старосту и не верила своему счастью. Он меня спас сегодня во второй раз. Нет, в третий!

– Алекс, ты – чудо! – не выдержала я и порывисто чмокнула старосту в щеку. Тот зарделся как маков цвет и затряс головой:

– Да ладно. Пустяки!

– Не пустяки! Это так мило, так... так... Я обязательно приду вовремя, Алекс! – пообещала я, прижимая к себе полотенце. – Даже отпрошусь на пять минут пораньше.

– К чему такие жертвы? Приходи без четверти шесть. Уверен, Артур полчаса будет играть вступление, – хмыкнул Алекс и наконец посмотрел мне в глаза.

– Всё, иди мойся. И замажь этот ужас чем-нибудь, – кивнул он, – смотреть больно.

– Противно? – понятно кивнула я, прикасаясь к губе. – Да уж... Еще тот видок. Сама не люблю смотреть на увечья.

– Больно, – твердо сказал парень и отвел глаза. – До встречи в репетиционной.

– Ага. Занимай любую с нашей стороны.

– Договорились, – кивнул он и, развернувшись, быстрым шагом пошел на выход из общежития.

В ванной я пела себе под нос. Жизнь налаживалась, и я не могла не признать, что большая заслуга в этом принадлежала старосте. Он действительно радел за нашу успеваемость. Болел за каждого, кто плохо писал диктант или не понимал, как правильно строить цепочку по гармонии.

Нам повезло больше, чем другим курсам. Уверена, что у других не было такого ответственного человека. Из Алексиса вышел бы отличный руководитель.

Впрочем, ему было, на кого ровняться. Я вспомнила про директора и помрачнела. Интересно, почему он отказывал племяннику в поступлении? Не протаскивал его, как делают у нас на Земле, не поручался за него.

Алекс пел хорошо. Даже отлично – приятный бархатный баритон. И отказывать такому замечательному певцу в поступлении – зачем? Тот же Артур пел в разы хуже: интонировал грязно, часто попадал мимо нот. Сольфеджио знал на уровне третьего класса музыкальной школы, и всё-таки его приняли сразу.

Загадка.

Создавалось впечатление, что директор просто не хотел принимать племянника в Академию Борвуар. Интересно, почему? Может, он не ладил с родителями Алекса?

Ладно, что-то я задумалась не о том.

Сполоснувшись, вернулась в комнату. Софи на кровати уже не было, зато свою сумку выгружала на стол Марлок.

– Привет, Лейси... О боже! Кто это тебя так? – испугалась пианистка. – Дать тоналку?

С радостью согласившись, я взяла протянутый тюбик. Эх, были бы у меня деньги, я бы сама купила себе всё необходимое: и тоналку, и блеск для губ. Но стипендии на нее не хватило, и я обошлась только тушью. Вот и побиралась по подругам, попрошайничая. Противно, а что поделывать?

Ни о какой подработке мечтать не приходилось. Нагрузка на первом курсе самая большая. Да и магией овладеть я не успела. Идти в подавальщицы и работать по ночам в местном трактире, как делают студентки с третьего-четвертого курса, мне не хотелось. И не потому, что я боялась не выспаться. Просто они в случае чего могли заступиться за себя и шандархнуть обидчика магией. А я – полный ноль в этом, и постоять за себя не смогу.

О других подработках в нашем небольшом городке Борвуар я не слышала. Да, мы находились всего в двух часах езды от столицы Орнего. И всё же городок был маленьким. И работы для студентов здесь не хватало.

– Так что случилось?! – напомнила о себе Марлок.

Пришлось рассказывать всё с самого начала. Соседка слушала внимательно, вытаращив глаза.

– Она совсем рехнулась! Бросаться на людей, это недостойно! Нужно пойти к директору и попросить, чтобы ее отселили от нас, – решительно произнесла Марлок и встала. Кажется, она собиралась пойти к Дювалю прямо сейчас. – Если комендантша не понимает, что нам мешают ее выходы, я буду жаловаться на Софи директору. Уж он-то должен принять меры!

– Знаешь, Марлок, сейчас не самое лучшее время идти к Дювалю, – медленно протянула я. – Понимаешь, я сегодня у него уже была. Дважды.

Марлок ахнула. Пришлось сесть на кровать и рассказывать о других примечательных событиях этого дня: и о том, как меня опозорили на всю академию, вздернув на рояль, и о том, как нас перехватил магистр Сорейн.

– Принял за парочку, представляешь! – рассмеялась я. Почему-то мое повествование выходило смешным. Или я смеялась затем, чтобы не расплакаться? – Меня и Алексиса. Да мы с ним просто дружим. Как брат и сестра!

Марлок молчала. В отличие от меня и Софи, соседка предпочитала сначала хорошо поразмыслить, а уж потом принимать решение.

– Лейсан! Мне кажется, кто-то хочет избавиться от тебя, – наконец сказала подруга и подняла свои васильковые глаза. – И эти бандиты. Они чуть было не похитили тебя!

– Да ну, ты преувеличиваешь! – отмахнулась я. – Они докапывались до Алексиса. И я понятия не имею почему. Он обещал рассказать.

– Будь с ним поосторожнее, Лейси! – Марлок встряхнула пышным каре. – Я бы ему не доверяла.

Глава 5. Сомневающаяся

В репетиционные комнаты Алексис не пришел. Это было так странно и не похоже на обязательного старосту, что я не верила своим глазам. И дважды обежала их.

Он не пришел. В двух комнатах я наткнулась на инструменталистов – саксофониста и барабанщика. К счастью, увлеченные игрой, они меня не заметили. Три девушки со старших курсов разучивали партии по ансамблю. От них прилетело строгое: «Закрой дверь!».

Остальные комнаты остались свободными. И я в полной растерянности заняла одну. Достала ноты, положила на подставку фоно и зависла.

Алекс не пришел, хотя обещал.

Почему?

Романс в итоге я разучивала сама. Поиграла на фоно тему, вроде бы сразу запомнила ее – приятная мелодия, напоминала мне романс «Не уходи, побудь со мною». На аккомпанементе ожидаемо застряла – долго раздумывала над каждым аккордом, плавала по клавиатуре с черепашьей скоростью. Ругала себя за безответственность и легкомыслие. С чего я решила забить на сольфеджио и подставиться под двойку?

Мисс Крюк сразу поймет, что ноты я вижу во второй раз в жизни.

Я закусила губу и снова вернулась к аккордам.

Ах да. Вчера был особенный день. Меня выбило из колеи одно происшествие. Я думала о нем целый день. И вечер, и ночью во сне.

Сама не понимаю, почему тогда подслушала. Меня не касается то, что творится в монаршем семействе. Со своими бы делами разобраться. А уж все эти королевские интриги, сплетни – мне они совершенно ни к чему.

Но нет. Целый день в голове крутилась это слово: «неродной, неродной», и отчего-то я чувствовала горечь.

Глупее ситуацию невозможно представить! Я жалею своего врага. Принца, который поставил себе цель испортить мою жизнь. Того, кто давал распоряжения своим подпевалам опозорить меня, оклеветать.

Что с того, если его мать, покойная королева, и вправду родила принца не от короля? Чем это знание поможет мне в борьбе с ним? О таком не принято говорить вслух. Да и парни, обсуждавшие меж собой личные подробности из жизни принца, были мне незнакомы. Вроде бы инструменталисты с четвертого курса. Но может быть, и с третьего.

В любом случае я вновь огребла проблем из-за этого принца. И зачем ему вообще сдалось образование? Вот чего я не пойму. Сидел бы в своем королевском дворце, нанимал бы учителей и пел в свое удовольствие.

Но нет, он переехал в студенческий городок Борвуар, где кроме нашей академии еще три стоят. Правда, я не узнавала какие. Не музыкальные, и ладно.

И поселился в общежитии, как обычный студент. И даже пары все исправно посещает.

Что-то здесь не так! Неужели он и вправду неродной сын короля?

Задумавшись, я окончательно пропустила обед. Когда принимала душ, в голове была настойчивая идея сбегать хотя бы за бутербродиком, но потом как-то всё закрутилось: Алекс не пришел, романс не разучивался. Я махнула рукой и решила потерпеть до ужина.

В академии с питанием было здорово заведено: завтракать можно в любое время с восьми до десяти. Обедать – с часу до трех, а ужин подавался с шести и до восьми вечера.

Я надеялась, что после пересдачи романса спокойно пойду и поужинаю. Но уже на вокале, во время распевов, стали подниматься сомнения и грызть душу. Аккорды в романсе попались

сложные. Сыграть с листа прилично я не смогу, а значит, хорошую оценку не получу. Даст ли мисс Крюк пересдать то, что не сдам сегодня на пересдаче?

– Лейсан, ты где витаешь? – одернула меня мадам Риц. – Внимательнее.

– Хорошо! – пискнула я.

Мадам Риц пустила меня на урок без пяти пять. Предыдущая ученица заболела, и мадам отлучалась из академии по делам. Эх, знала бы я об этом раньше – попросила бы передвинуть занятие. А так приходилось петь как на иголках и мучительно гадать, пустит ли меня мисс Крюк на пересдачу с опозданием.

– Лейси, следи за позицией! – снова одернула меня мадам Риц. – Занижаешь. Ля должно звучать вот так...

– Простите!

– Да что с тобой? Ты сегодня какая-то странная, – мадам положила руки на клавиши, но играть дальше не стала. – Что-то случилось?

Врать мадам Риц не хотелось. Иногда мне казалось, что во всей академии нет никого ближе и роднее преподавателя по вокалу. С первой нашей встречи мадам вела себя дружелюбно, терпеливо и понимающе. Я очень ценила ее расположение и очень боялась его потерять.

Она даже не спросила, что у меня с лицом! И я очень ценила ее деликатность.

...Остаться на специальности или пойти на пересдачу сольфеджио? Вроде бы такой простой вопрос! Но я не могла на него ответить определенно. В этот момент я чувствовала себя наполовину Софи, и одно воспоминание о мисс Крюк вызывало жгучую ненависть.

Я была готова обвинить преподавателя по сольфеджио во всех своих бедах. Воздвигнуть ее на пьедестал своей ненависти и поливать ею, поливать, как цветы после засухи.

И хотя я понимала, что это было бы незаслуженно, ничего не могла с собой поделать. Я должна была прогулять вокал!

Разрываясь между долгом и своим «предназначением», я чувствовала, как холодеют руки, громко стучит сердце и слова самым неожиданным образом вязнут во рту.

– Разрешите мне, пожалуйста, уйти... на десять минут пораньше!

Каюсь, эта фраза далась мне нелегко. Даже в глазах потемнело от невероятного напряжения. Мир замедлился, перестал дышать на одну секунду. И я никак не ожидала услышать легкое:

– Иди, если для тебя это важно. К следующей нашей встрече разучи самостоятельно арию Изольды, она на двадцать пятой странице. И будь осторожна, Лейсан. В академии полно соблазнов.

Спутано поблагодарив преподавательницу, я собрала вещи и бегом бросилась на пересдачу. По идее, я должна была чувствовать облегчение и радость, что всё вывернулось в лучшую для меня сторону, но я не чувствовала ничего подобного. Мне было стыдно. Муторно. Я чувствовала вину, которая самым физическим образом давила на мои плечи.

Коридор, второй... Поворот, а потом спуститься на следующий этаж. Я перепрыгивала через ступеньки, стуча каблучками и не слыша ничего вокруг. По счастью, академия в это время почти пустовала – лекции кончились, остались только индивидуальные занятия, и большинство студентов либо репетировали, либо гуляли.

И только я, мчащаяся по лестнице в правом флигеле академии, прижимающая, как последнюю надежду, сумку с нотами. Ногу подвернула, чертыхнулась. Побежала дальше, почти не чувствуя боли.

Лишь бы успеть. Лишь бы сдать этот чертов романс и не злить мисс Крюк. Злить преподавательницу по сольфеджио нельзя – это знали все. Наша тоненькая стройная блондинка самого ангельского вида внутри была сущим демоном. Как она подбирала цепочки⁷ провинившимся?

---

⁷ Цепочка – последовательность аккордов, которые играет преподаватель, а студенту нужно распознать на слух.

Ни в жизнь не угадаешь! Невообразимое чередование сложных аккордов, смена тональностей – да, мисс Крюк умела выдумывать и знала, чем можно удивить первый курс.

Когда я спустилась на второй этаж и промчалась по узкому проходу, в котором ютились только два маленьких кабинета, краем глаза заметила движение в отдалении.

Кто-то тоже спешил на занятия, как и я. Одинокий студент спускался по противоположной лестнице – я углядела смазанный силуэт парня в костюме.

Перевела дыхание и припустила еще быстрее. Мне оставалось пересечь два коридора, совершить два поворота и постучаться в лекторий.

Но внезапно я не смогла сделать и шагу. Меня держали. Я не могла пройти из-за возникшего препятствия. И это было странно, потому что вокруг меня никого и ничего не было!

Я только ощущала, что меня удерживает чужая сила. Пока мозг пытался проанализировать, что же происходит, почему я стою посреди холла и не могу двинуться, глаза заметили смазанное движение – очень быстрое, почти неразличимое.

И еще страннее было почувствовать чужие цепкие пальцы на предплечьях, сжимающие так сильно, что наверняка останутся синяки.

– Черт! Как же долго тебя ждать!.. – выругался проявившийся из воздуха не кто-нибудь, а сам ПРИНЦ. Он с хмурым видом огляделся и потащил меня к одному из маленьких кабинетов. – Не рыпайся. Иди смирно. И тогда... может быть, ты не пострадаешь.

Я даже не нашлась, что сказать. Кивнула, и на деревянных ногах вошла в класс гитары. К большому сожалению, кроме нас там никого не оказалось.

Принц повернул ключ в замке и отрезал нас от всего мира.

– Дело вот в чем, Лейсан – ты заигралась. И теперь пора сделать выбор: жить ты хочешь или умереть?

Он был прекрасен. Настолько, что перехватывало дыхание. Высокий, сильный. Уверенный в себе. Волосы цвета расплавленного меда падали до самых плеч, придавая ему сходство с викингом. Мужественный подбородок, крупный нос и губы, которые непроизвольно притягивали к себе внимание, были так близко, что я не выдержала напряжения и отступила.

Он не сделает мне ничего плохого! Не посмеет.

Главное, помнить об этом и не показывать свой страх.

Принц прищурился, и в бледных зеленых глазах мне почудился приговор.

Нет. Он не посмеет мне ничего сделать. Пусть мы и одни, но... под защитой академии. Под юрисдикцией... его папаши!

Черт, кажется, я попала. Папаша-король сквозь пальцы смотрит на его выходки. Он не сдаст свое чадо и прикроет в случае скандала.

...Доигралась!

Как хищник, как маньяк, преследующий свою жертву, принц крался, питаясь моим страхом.

Напряжение возросло до такой степени, что стало трудно дышать.

Он приближался. Он... тот парень, чье присутствие я ощущала всегда, был в паре шагов – у пианино. Странно, что я не почувствовала его тогда, на лестнице. Наверное, дело в том, что передвигался он быстро. Ненормально быстро.

Между нами была связь. Опасная, если не сказать смертельная. Крепкая, как колючая проволока. Острая, как нож убийцы.

Если вдруг он окажется в большой многолюдной зале, а я зайду самой последней и не буду знать, есть он в толпе или нет, то мне подскажет десятое чувство.

Это странно и ненормально, но я всем своим естеством чувствовала, где скрывается угроза. Где находится он.

Принц пугал и притягивал меня одновременно.

– Лейсан!.. – протяжно прохрипел он и улыбнулся акульей улыбкой.

Мой враг рядом. Мы стоим один на один. Жаль, что я не могу приложить его магией. Ударить на поражение. Низвергнуть моего врага.

...Он стал моим врагом после первой совместной репетиции. Тогда после моей арии он во всеуслышание заявил, что у меня нет таланта. А мое меццо-сопрано звучит лажово. Принц усмехнулся и предложил добровольно уйти с новогоднего мюзикла и не занимать его время. Не позориться и не позорить академию.

Это было унижительно. Как я не провалилась под сцену – сама не знаю! Меня подняли на смех, заулюлюкали. Другие участники будто ждали этого момента, чтобы оплевать меня, заклевать и низвергнуть вниз.

А я стояла посреди сцены с нотами в руке и растерянно глядела в его глаза.

Подлые и лживые, как у змеи.

Но я не знала, как вести себя с принцем. Как отвечать и как отреагировать на его слова.

Меня спасла мадам Перлой. Опытный дирижер, думаю, она и не такие случаи разруливала. Мадам постучала палочкой по пюпитру, магически усилив звук, и призвала всех к порядку.

– Кто сомневается в моей компетенции или в компетенции мистера Крюка, лично контролировавшего отбор участников – прошу на выход. Мне не нужны смута и склоки. Мне нужен результат! – грозно заявила она, и на время меня оставили в покое...

Пятясь назад, я случайно налетела на пюпитр. Стукнулась бедром. Не рассчитала, что кабинет совсем маленький и отступить некуда. Не глядя, снесла его напрочь.

Ноты разлетелись по полу. За пюпитром стоял стул, а с ним рядом – басовая гитара на подставке.

Дальше отступить было некуда, если только в окно. Неожиданно понимание тупика, в который попала, придало мне смелости.

– С ума сошел? – стараясь говорить ровно и уверенно, я не замечала, как сжимаю кулаки. – Или сам хочешь умереть?!

Я отчетливо понимала, что блефую. Во мне зачатки магии, которыми толком не умела пользоваться. Сроду я не посещала никаких кружков по самообороне или каратэ. Не знала ни единого удара, ни одной болевой точки.

Но мне надоело убегать. Надоело быть слабой и незащитной. Я решила, что буду стоять до конца, даже если это и приведет меня к необратимым последствиям. Я буду биться, кусаться, орать в надежде, что меня кто-нибудь услышит. Придет на выручку и спасет. А до тех пор я не дам запугать себя. Ни за что.

Да, я ляпнула наобум. И совсем не ожидала, что принц остановится в удивлении и спросит:

– О чем ты?

– Сам знаешь, о чем! – вздернула подбородок я.

Мой блеф был раскрыт мгновенно. Принц с досадой закатил глаза и выдал:

– Ну и бесячая ты! Вообще!

И неожиданно очень обидно щелкнул меня по носу.

Вот тогда кровь ударила в лицо. С детства хамство не прощала. И разговаривать так с собою не позволю никому. А уж оскорблять щелчками!..

Никогда и ни в чем нельзя терять свое достоинство – вот мой принцип. И я придерживаюсь его, иначе некоторые личности не оставят и следа от достоинства. Особенно такие, как принц.

Да что он вообще о себе возомнил, сволочь блондинистая?

– Как ты смеешь! – я позабыла о том, что его боюсь, что его дружки злопамятны и мерзки, как позапрошлогодний кисель; пихнула руками в грудь и прошипела: – Думай, что говоришь!

И руки прочь. Дружкам передай, что терпение мое кончилось. Еще раз попробуете опозорить – я за себя не ручаюсь!

– И что же ты мне сделаешь, пиявка? – со злой усмешкой произнес принц. – Испепелишь на месте? В обморок упадешь?

– Я не пиявка и уж придумаю, как до вас всех добраться! – искренне пообещала я.

В этот момент я была готова сама умереть, но отомстить. Наверное, принц это почувствовал, потому что резко сменил тему.

– Значит, так... – совершенно спокойным голосом сказал он. – Перейдем к главному: ты отказываешься от участия в мюзикле, а мы забудем, что видели тебя. Будешь жить спокойно, парни не тронут.

– Так вот что тебе нужно? – почти взревела я. – Кость в горле – мое участие в мюзикле?!

– Да, меня бесит твой тембр... Есть и получше кандидатуры на твоё место, – скучающе произнес принц. – Ты сама больше похожа на бегемота, чем на Медею. Хоть читала описание персонажей?

– Твои оскорбления переходят всякие границы! – проорала я.

Да что он пристал, в самом деле? Какие еще другие кандидатуры? Он что, хочет впихнуть в мюзикл знакомую?

– Напомню: Медея, подруга Орланды, худенькая низенькая брюнетка. Полагаю, с талией тоньше твоей раза в два. Думаешь, Гордон променял бы свою красавицу Орланду вот на это? – он с брезгливостью ткнул мне в живот. – И волосы у тебя ужасающе вульгарного цвета. Ненатурального.

Вопрос с цветом волос был для меня болезненным. Дело в том, что мой приятный шоколадный оттенок волос сам изменился при перемещении. С Земли в академию музыки шла шатенка, а вот в деканате оказалась девица с ярко-гранатовыми волосами. При некотором искусственном освещении они казались бордовыми.

И этот цвет не смывался, сколько я ни намыливала голову! Марлок сказала, что и растут они тоже гранатового цвета. Какая-то аномалия изменила мое ДНК. Другого объяснения я не находила.

Разумеется, в Иманисе сроду не слышали о девушках с красными волосами. Сколько косых взглядов мне пришлось пережить прежде, чем я окончательно на них забила, – и не счесть!

– Парик надену, мы уже это решили! – гордо ответила я.

– Не успеют изготовить. Остался месяц до премьеры.

– Больше месяца!

– Да какая разница! – потерял терпение принц. – Откажись от роли, и дело с концом. Ты для нее не подходишь. Ни с этим жутким утробным тембром, ни с внешностью, которую править и править у стилистов и диетологов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.